

Иероним Ясинский

Тайна Оли

Иероним Иеронимович Ясинский

Тайна Оли

Аннотация

«Гимназист, чёрненький и худенький, робко вошёл, поклонившись у порога ярко освещённой столовой, и бросил по сторонам близорукий взгляд. Старичок, небольшой, лысый, с огромными бровями и белыми усами, торчащими щёткой на оттопыренных губах, вывел его из затруднения. Он приблизился к нему мелкими шажками, держа меж пальцами короткую дымящуюся трубку, хриплым баском заявил, что очень рад гостю, подвёл его к своей дочке и сказал:

– Вот, Оля, рекомендую... Товарищ нашего Кости... Как вас?..»

Иероним Ясинский

Тайна Оли

I

Гимназист, чёрненький и худенький, робко вошёл, поклонившись у порога ярко освещённой столовой, и бросил по сторонам близорукий взгляд. Старичок, небольшой, лысый, с огромными бровями и белыми усами, торчащими щёткой на оттопыренных губах, вывел его из затруднения. Он приблизился к нему мелкими шажками, держа меж пальцами короткую дымящуюся трубку, хриплым баском заявил, что очень рад гостю, подвёл его к своей дочке и сказал:

– Вот, Оля, рекомендую... Товарищ нашего Кости... Как вас?

Гимназист, улыбаясь, шаркнул ножкой и сделал, для равновесия, жест свободной рукой.

– Николай Николаич Зарчинский, – произнёс он.

Оля кивнула ему русой головкой. Он подумал: «Кажется, я веду себя прилично», и, откашлявшись, хотя и не чувствовал в горле ни малейшей неловкости, сел.

Оля принялась за прерванную еду – за сыр и молоко.

– А вы что же насчёт даров сельской природы? – спросил старичок гимназиста. – С дорожки, с дорожки! Подкрепи-

теть!

Ноги Николая Николаича вежливо шаркнули под столом; улыбаясь, он возразил, что не хочет, потому что ест только раз в день; но чаю выпьет.

Прихлёбывая из стакана, он живо заинтересовался Костей, о котором старичок сообщил ему все необходимые сведения.

– Этакий он смешной! Прислал письмо, зовёт, а сам исчезает. Так на всю ночь уехал? У него ружьё есть? То-то наслаждается! На островах, должно быть, очень хорошо. Костёр горит, казанок кипит...

Но тут Николай Николаич забыл о своей аскетической привычке и стал набивать рот «дарами сельской природы».

Оля была прехорошенькая. Яркие губы её – чуть-чуть вздуты, нос, прямой и короткий, – тонко очерчен; а длинные ресницы придавали её глазам умное выражение. Ей, наверное, было пятнадцать лет. Николай Николаич с ней не заговаривал, обращая вопросы к старичку, который курил, добродушно пошучивая, и придавливал золу пальцем, по-солдатски. Оля сама первая заговорила с Николаем Николаичем.

– Вы в котором классе? Вместе с Костей?

– Нет, я в четвёртом, – отвечал гимназист. – Он на два класса ниже меня...

Николай Николаич откинулся на спинку стула, с серьёзным видом.

– Так какой же вы ему товарищ!?

– А, мы с ним друзья! Мы с ним даже тритонов ловили...

– Что-о?

– Ящерички такие водяные. Мы, знаете, завязали в рубашке рукава и потянули как неводом... Там, под Нежином, лужа есть... А вдруг едет Белобров... инспектор... Ну, конечно, обоим досталось... посидели в карцере...

Он смеялся и показывал зубы, крупные и белые.

Глаза Оли улыбались. Старичок тряс плечами, и его глаза, казалось, бросали из-под бровей, нависших как иней на деревьях ласковые лучи.

– Кто же рубашку снимал? – спросил он, держа во рту чубук.

Гимназист покраснел.

– Я.

Старичок рассказал кстати, как, во время похода, такой же способ, только при помощи другой части костюма, был употреблён его денщиком, Степаном. За ночь попался окунёк. Весь полк хохотал. Продувная бестия был этот Степан.

Оправившись от смущения, гимназист заметил, что на стол принесли блюдо жареных цыплят: красная рука горничной, с медными и серебряными кольцами на мозолистых пальцах, поставила возле него тарелку и положила ножик и вижу.

Жаль, что он объявил о своей воздержности! Цыплята – превкусная вещь. Но тут он вспомнил, что уже ел и сыр, и масло, и как только последовало приглашение, взял, не стес-

нясь, целого цыплёнка и съел.

После ужина из столовой перешли в гостиную. Гравюры, висевшие на стенах гостиной, изображали генералов в треуголках и белых рейтузах, на конях и пешими. Широкие кресла стояли у круглого стола, казалось, радушно раскрыв свои объятия, а диван сохранял позу сытого существа, которое не в состоянии сложить на животе коротеньких ручек и дремлет в сладостной истоме, уронив назад голову. В окна смотрела ночь.

«Вероятно, вареньем будут угощать... или хоть земляничкой... с сахаром»... – подумал гимназист, заметив, что Оля шепчется со старичком у двери в следующую комнату, чёрную от темноты. Но девушка подошла к нему и спросила:

– Вы не хотите спать?..

– Я не хочу, – поспешил ответить Николай Николаич и любезно улыбнулся.

– Папа всегда ложится в десять часов... – заметила Оля, прислушиваясь к лаю собак. – Так что вы извините его...

– Помилуйте!.. Как можно... А вы когда?

– Как случится... – сказала Оля и села. – Папа! – крикнула она. – Ты иди себе... Спи уже. Ему тут без тебя постелют...

– Да, да... На боковую, дети! Розовых снов! – ласково проворчал старичок, уходя.

Николай Николаич встал, громко пожелал ему спокойной ночи и опять забрался на диван.

– Вы тут и спать будете... – объяснила Николаю Никола-

ичу Оля. – Где ваши вещи?

– В передней...

– Подушка, одеяло?

– Нет, со мной, главным образом, труба...

Оля сделала широкие глаза.

– Какая?

– Телескоп, – ответил гимназист равнодушно, ероша на затылке волосы. – Для наблюдения за небесными светилами... Я её всегда с собою беру...

– Что же в неё видно?

– Всё... Горы на луне... Овраги... Звёзды так и бегут...

Яркие-яркие!! Вы никогда не смотрели?

– Никогда.

Лицо Оли с ожиданием повернулось к нему.

– Покажете?

– С удовольствием... Сейчас.

Он выбежал из гостиной. Оля пошла за ним.

Николай Николаич был несколько ниже её. Красный воротник резко отделялся от его волосатого затылка. На талии одиноко сверкала пуговица. Он был стройный мальчик, красивый, и Оле он понравился.

– Вот!

Астрономический инструмент Николая Николаича состоял из большой трубки, деревянной и полированной, с металлическими выпушками по краям. Трубка раздвигалась. Из неё вытаскивалась другая трубка, покороче, медная, потом

третья и четвёртая. Она напоямила Оле те свёртки, которые держали в руках скачущие генералы. Она взяла трубу, осмотрела, нацелилась на лампу и, улыбувшись, отдала гостю.

– Вблизи не видно, – объяснил он, хмуря брови, – но вдаль – удивительно... Всё как на ладони... За семь вёрст! Пойдёмте к окну.

Они озабоченно вернулись в гостиную и расположились у открытого окна. Тёплая тьма пахнула на них резедой и лесом, звёздочки пронизывали там и сям мрак ночи.

– Жаль, что луны нет, – сказал Николай Николаич, любясь впечатлением, которое производит на Олю созерцание неба в трубу.

Он сидел на стуле, упираясь локтем в подоконник. Труба лежала в его руке. Оля нагнулась, закрыв левый глаз пальцами. Другой рукой она держалась за плечо Николая Николаича.

– Ну, что вы видите? – спросил он вполголоса, со снисходительной улыбкой.

– Звёздочку...

– Что ж она?

– Прыгает как-то странно...

– Я вам говорил! – в восторге закричал Николай Николаич. – Ну, а большая?..

– Не особенно...

– Дайте-ка я посмотрю...

Но Оля не отрывала глаза от трубы.

– Дайте-ка! – проговорил он, впиваясь ревнивым взглядом в её лицо.

– Чем дальше, тем она всё скорее... – заметила Оля и усмехнулась с наивным наслаждением.

Горло Николая Николаича сочувственно сжалось.

– Этой звёздочки я никогда не видел, – сказал он нетерпеливо.

– Я сама... Мне кажется, она красная...

– Красная? – переспросил он с тоскою.

Оля отстранилась.

– Вот, посмотрите...

Он приник к стеклу, вооружившись трубой без посторонней помощи – в качестве самостоятельного астронома.

Они долго смотрели на звёзды. Наконец, пробило двенадцать часов.

Оля встрепенулась.

– Спать пора!.. Только кто вам постелет?.. Алёну уже не разбудишь... Так что ж!.. Вот ещё... Стелите сами! Сейчас принесу постель.

Она вышла и вернулась с простынёй, красным одеялом и огромной подушкой.

– Впрочем, я сама постелю, – сказала она.

Он стал церемониться и хотел отнять простыню. Оля погрозила пальцем.

– Не шумите. Принести полыни? Мы этим спасаемся от блох.

– Дурно пахнет, – заметил Николай Николаич.

– Какой неженка!

Подумав, она вынула из петли на груди розу, ощипала лепестки и шутливо бросила их на подушку.

Николай Николаич пожал ей руку.

– Может быть, хотите спрятать трубу? – спросил он.

– Зачем?..

– Так...

– Ну, давайте... А то, в самом деле, Костя явится утром, увидит и испортит... Спокойной ночи!

Николай Николаич лёг и заснул.

Генералы, казалось, продолжали идти и скакать. Они шли и ехали цугом, по кругу как в цирке и сонно мигали. Вошла Оля, придерживая руку на груди и пугливо поглядывая на диван. Губы её приблизились к оплывшей свечке, лицо сверкнуло, вместе с белым горлом и белыми плечами, и потухло. Генералы исчезли. Всё завертелось в сумраке, густом как ночь. Но вдруг блеснула светлая точка и разрослась. Оля стояла перед Николаем Николаичем и держала поднос с вареньем: крупные ягоды плавали в малиновом сиропе. Костя, со злым лицом, целился в поднос огромной лягушкой. Николай Николаич в испуге спрятался за Олю и присел, спешно пожирая варенье горстями.

Солнце брызнуло, и Николай Николаич проснулся. В раскрытом окне горело лазурное небо. Тополи, облитые жарким светом, зеленели. Орал петушок. На белом полу блесте-

ли шляпки гвоздей точно гривеннички. Генералы неподвижно таращили глаза.

Вбежал Костя, румяный, белоголовый, со звонким хохотом. Он протянул руки. Товарищи обнялись и неистово расцеловали друг друга.

II

Гаврила Иванович, между тем, сидел за чайным столом и глубокомысленно покуривал трубочку. Он рассказывал Оле анекдот о солдате, ответившем, не задумываясь, на вопрос начальника, сколько звёзд на небе. В своём роде, это был остроумнейший нижний чин.

Николая Николаича приветствовали как старого знакомого.

Волосы его были припомажены, сюртук вычищен и застёгнут на все пуговицы. Пушок на лице золотился в луче утреннего солнца, губы улыбались. Он сам подошёл и пожал руку Гавриле Ивановичу и Оле.

Оля была в малорусском костюме и в свежих цветах. Тонкие руки её с розовыми кистями, обнажённые вплоть до локтей, умело обращались с посудой и чайным полотенцем.

Костя, в синей куртке и белых штанах, уселся на стул, рядом с гостем, и начал повествовать о том, как была им проведена ночь на островах. Вместе с Грицьком он наловил раков. (Вот ранка на пальце. Это рак укусил, чёрный, большущий).

Соль забыли взять и ели их без всего. А сколько уток! Видимо-невидимо! Чирёнка жарили в бумаге под золою и съели тоже без соли. Грицько чудесно представлял журавля и ходил вверх ногами. Караси в Большом Гомине перевелись. А в Малом – вот этикие. Честное слово!

Костя был крепыш, с выпуклыми мускулами, большим лицом, низким лбом и маленькими глазами, голубыми как бирюза. Сидел он беспокойно, раскидывал локти, болтал ногами, хлопал по плечу Николая Николаича, бросал в сестру шариками.

– Сено покосили? – спросил его Гаврила Иванович, накладывая новую трубочку и с удовольствием поглядывая на небо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.